

Научная статья
УДК 342.3
DOI 10.33184/pravgos-2025.3.5

Original article

РОМАШОВ Роман Анатольевич
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия,
romashov_tgp@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

ROMASHOV Roman Anatolevich
Saint-Petersburg University of the
Humanities and Social Sciences,
Saint Petersburg, Russia

РЕЦЕПЦИЯ И ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

RECEPTION AND EXTRAPOLATION AS MEANS OF FORMATION AND TRANSFORMATION
OF STATE LEGAL SYSTEMS

Аннотация. Проблемой, побудившей к написанию статьи, стала научная дискуссия об определении места и роли рецепции и экстраполяции права в процессе формирования и трансформации государственно-правовых систем с акцентированием внимания на сравнительно-историческом анализе российского политико- и правогенеза. Цель: сформулировать понятие государственно-правовой системы, охарактеризовать ее как формальное (телесное) и содержательное (субстанциональное) явление, показать влияние методов рецепции и экстраполяции на процессы формирования и трансформации государственно-правовой системы Российской Федерации. Методы: междисциплинарного синтеза и теоретического моделирования, использованные для конструирования модели государственно-правовой системы и определения места в ней базовых категорий: государства, права, преступления; исторического и сравнительного анализа, позволившие выделить формальные характеристики (форму правления, государственного устройства, юридическую технику правотворческой и правоприменительной деятельности) Российской империи, советской и постсоветской России, а затем сопоставить в плане результатов воздействия, оказанного рецепцией и экстраполяцией государственно-правовых институтов из системы «донора» в систему «реципиента». Результаты: обоснована целесообразность внедрения в понятийный аппарат теории государства и права интегративной модели государственно-правовой системы; показано влияние, оказываемое заимствуемыми государственно-правовыми институтами, на процессы формирования и трансформации государственно-правовой системы Российской Федерации; сделан вывод о приоритетном (для России) значении экстраполяции иностранных правовых форм, наполняемых отличным от аутентичного содержанием.

Abstract. The problem of this article is a scientific discussion on determining the place and role of law reception and extrapolation in the process of formation and transformation of state legal systems, with an emphasis on the comparative historical analysis of the Russian political and legal genesis. Purpose: to formulate the concept of the state legal system, to characterize it as a formal (corporeal) and meaningful (substantial) phenomenon, and to show the influence of reception and extrapolation methods on the processes of formation and transformation of the state legal system of the Russian Federation. Methods: methods of interdisciplinary synthesis and theoretical modeling are used to construct a model of the state legal system and determine the place of basic categories within it: state, law, crime. Methods of historical and comparative analysis allow us to identify formal characteristics (form of government, state structure, legal technique of law-making and law enforcement activities) of the Russian Empire, Soviet and post-Soviet Russia, with their comparison in terms of the results of the impact of the reception and extrapolation of state and legal institutions from the “donor” system to the “recipient” system. Results: the article substantiates the expediency of introducing an integrative model of the state legal system into the conceptual apparatus of the theory of state and law; it shows the influence of borrowed state legal institutions on the processes of formation and transformation of the state legal system of the Russian Federation; it concludes that the priority (for Russia) is the extrapolation of foreign legal forms filled with content other than authentic.

Ключевые слова: государственно-правовая система, государственно-правовое тело, жизнеспособность государства и права, линейность, цикличность, традиционность, дискретность, рецепция, экстраполяция, юридическая форма, исторический тип, юридическая сила

Для цитирования: Ромашов Р.А. Рецепция и экстраполяция как средства формирования и трансформации государственно-правовых систем / Р.А. Ромашов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.3.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 43–51.

Keywords: state legal system, state legal body, viability of the state and law, linearity, cyclicity, traditionality, discreteness, reception, extrapolation, legal form, historical type, legal force

For citation: Romashov R.A. Reception and Extrapolation as Means of Formation and Transformation of State Legal Systems. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 3, pp. 43–51. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.3.5.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы, предопределившей выбор темы статьи, заключается как в теоретической дискуссионности, так и в практической значимости вопросов, связанных с пониманием таких базовых юридических категорий, как государство, право, преступление. Предлагается отойти от традиционной дифференциации названных явлений, изучаемых в качестве самостоятельных (автаркичных) теоретических моделей, абстрагированных от социально-культурной реальности, и в дальнейшем использовать метод синтеза, предполагающий внедрение в понятийный аппарат как теоретико-исторической, так и отраслевой и прикладной юриспруденции терминологической конструкции «государственно-правовая система», в рамках которой государство, право, преступление представляют структурно-функциональные элементы единого синтезированного целого [1].

В соответствии с предлагаемым подходом государство – это общественная организация и вместе с тем механизм публичной власти, порядок формирования и функционирования которых закреплен в позитивном публичном (государственном) праве. В свою очередь, право – это совокупность общезначимых и общеобязательных правил (стандартов) должного, недопустимого, возможного поведения, облеченных государством в нормативную форму и обеспеченных в своей реализации государственными гарантиями и санкциями. Получается, что преступление – это деяние, признанное (квалифицированное) таковым государством путем нормативного закрепления в уголовном законе.

Представляя собой интегрированную модель социально-политической организации, государственно-правовая система на определенных исторических этапах формируется (приобретает завершённое формальное структурирование) и видоизменяется (трансформируется) [2]. При этом сохранение формальных характеристик свойственно традиционным государственно-правовым системам, неизменным применительно к базовым формам (государственного правления, государственного устройства, системе юридических форм права, юридической технике правотворческой и правоприменительной деятельности) для трех и более поколений граждан (подданных) [3].

Трансформационные процессы имеют место в государственно-правовых системах переходного типа, характеризующихся изменчивостью вышеперечисленных форм и с равной вероятностью способных выступать в качестве предпосылок как эволюционных, так и революционных преобразований [4; 5]. В последнем случае революция представляет собой инструмент конфликтной межсистемной коммуникации, когда условием формирования государственно-правовой системы «нового исторического типа» является разрушение «старой», что автоматически влечет «пресечение» государственно-правового уклада, воспринимавшегося ранее как традиционный.

Рассмотрение процессов формирования и трансформации государственно-правовых систем как этапов жизнедеятельности «государственно-правового тела» предполагает, что, как и все «живое», это «тело», будучи когда-то сформированным («рожденным»), неизбежно трансформируется (либо «переродится», либо

«умрет»). В качестве средств формирования и трансформации государственно-правовых систем предлагается рассматривать экстраполяцию и рецепцию, по сути своей являющиеся инструментами заимствования и внедрения в национальную политико-правовую практику «иномирных» фрагментов.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И «ЖИВОЕ ТЕЛО»

Ранее уже было отмечено, что представление о государстве, праве, преступлении как структурно-функциональных элементах синтезированной конструкции – государственно-правовой системы – актуализирует проблематику, связанную с представлениями о ее (системы) формировании и трансформации.

Применительно к государственно-правовым системам, относящимся к «западному» культурно-цивилизационному «кластеру», следует в качестве обособленных исторических типов выделять системы: древнегреческих полисов, древнеримской республики (империи), средневековых городов-государств и государств-королевств (kingdom). Начиная с XV в. западными мыслителями вводится в оборот термин state в значении «публичный порядок организации общества и осуществления публичной власти».

В отечественной политико-правовой истории на всех ее этапах имели место именно государственные – точнее, «государственные» – формы организации общества и публичной власти, применительно к англоязычной традиции являвшие собой вышеупомянутые kingdom, предполагавшие выстраивание централизованной бюрократической иерархии, на вершине которой находился персонифицированный юридически безответственный правитель, чья власть была фактически неограниченной, а должностное наименование (князь, царь, император, генеральный секретарь и т. п.) не имело практического значения, поскольку не меняло сущности институтов ни самой государственной власти, ни главы государства.

Будучи фактически тождественными по природе политической организации публичной власти и общества, российские государственно-правовые системы на различных

исторических этапах качественно отличались друг от друга по формам внешнего выражения и по содержанию государственно-правовой традиции, положенной в основу национальной политико-правовой культуры.

С учетом отмеченного различия представляется целесообразным выделять в линейной «тысячелетней истории Российской Федерации» (ст. 67.1 Конституции РФ) три относительно самостоятельных цикла, два из которых (Российская монархия/империя, РСФСР/СССР) являются завершенными, а третий (Россия – президентская республика) – ддящимся. Каждый из выделенных циклов характеризуется качественно отличающейся от других моделью государственно-правового устройства. При этом различия носят как формальный, так и содержательный характер. С учетом выделенной в названии раздела метафоры – «живое тело» государственно-правовой системы – следует говорить о формальных аспектах ее понимания как о способах материального (телесного) воплощения. Соответственно, содержание «телесной оболочки», наполняющее ее «жизненной» (юридической) силой, определяется национальной культурой, в основу которой положены закрепленные на государственно-идеологическом уровне ценностные приоритеты, которые могут носить как традиционный, так и дискретный (модернистский) характер.

Как уже отмечалось ранее, формальными характеристиками государства являются формы государственного правления и государственного устройства. Применительно к праву следует разграничивать материальные (формальные источники национального права) и процессуальные (юридическая техника правотворческой/законодательной и правоприменительной деятельности) формы.

«Жизнеспособность» юридических форм государства и права непосредственно зависит от фактического достижения целей, задающих векторальную направленность «приложения» их юридической силы. В предложенной нами теоретической концепции «реалистического позитивизма» отмечается, что все государственно-правовые формы подразделяются на действительные и действующие [6].

Действительные формы государства (государственные органы и учреждения) и права (легализуемые государством формальные

источники национального права), существуя в реальном времени, могут либо вообще не оказывать регулятивно-охранительного воздействия на общественные отношения, либо действовать с низкой степенью эффективности. В качестве примера подобной малоэффективности применительно к государству можно привести действия государственных структур, отвечающих за организацию пассажирских авиаперевозок, в условиях масштабной хакерской атаки на столичные аэропорты в июле 2025 г.¹ Говоря о бездеятельности (в плане обладания формальной юридической силой) источников права, представляется возможным, в частности, указать на ст. 353 УК РФ «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны». Очевидно, что война как разновидность конфликтного взаимодействия не тождественна преступлениям, совершаемым конкретными физическими лицами в условиях «военного времени». С учетом того, что основополагающим принципом уголовной ответственности является рассмотрение в качестве субъектов преступления, а значит и «адресатов» уголовных наказаний, исключительно физических лиц, не вызывает сомнений то, что применить на практике данную статью не представляется возможным, о чем свидетельствует «нулевая» практика ее применения в процессе судопроизводства.

Функциональные (действующие) государственно-правовые институты представляют собой инструменты, применение которых в процессах правового регулирования и охраны влечет наступление реальных юридически значимых последствий в отношении непосредственно заинтересованных в этих последствиях субъектов (физических и юридических лиц). Функциональная действенность государства и права определяется мотивацией как индивидуального, так и коллективного поведения. При этом в упрощенном виде все поведенческие мотивы могут быть условно сведены к двум психологическим факторам: субъективной пользе от правомерного поведения и субъективной опасности, возникающей вследствие совершения правонарушений.

¹ «Аэрофлоту» закрыли небо: Шереметьево трясет от злости пассажиров, эхо докатилось до Анталии [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/aldYuK5YjDAfmKUub> (дата обращения: 29.07.2025).

РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРПОЛЯЦИЯ В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ «ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ» ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Принимая за основу дальнейших рассуждений теоретическую концепцию циклического политико- и правогенеза, следует выделить в качестве инструментов формирования и трансформации государственно-правовых систем методы рецепции и интерполяции, широко применяемые как в традиционных (стабильных), так и в переходных (дискретных) политико-правовых образованиях [7; 8; 9].

Понимание рецепции права в большинстве случаев происходит в контексте рецепции римского права в европейское. При этом исследователи отмечают, что посредством рецепции на европейскую почву переносились не только и не столько наименования и формы римских правовых институтов, сколько традиции и ценности, сложившиеся в исторической правовой традиции Великого Рима, возврат к культурному наследию которого был главенствующей целью эпохи европейского Возрождения [10; 11; 12].

Представление о рецепции права как о коммуникативном процессе, в ходе которого происходит заимствование государством-«реципиентом» той или иной юридической формы у государства-«донора» с последующим ее внедрением в национальную правовую систему, актуализирует проблему «совместимости» стран с различными культурно-правовыми «кодами» [13]. Если для западноевропейских стран, бывших в свое время колониальными владениями Римской империи и в подобном качестве являвшихся элементами римской имперской культуры, заимствование ее правового наследия было логичным и оказывало позитивное влияние на формирование национальных государственно-правовых систем буржуазного типа [11], впоследствии вошедших в семью романо-германского права, то для государственно-правовых систем, сложившихся под воздействием внешних и внутренних факторов и с римской цивилизацией не связанных, заимствование формальных институтов римского права либо не приносило ожидаемого положительного

эффекта, либо, напротив, обуславливало деструктивные последствия.

Национальное централизованное русское государство Московское царство всея Русь в качестве точки отсчета использовало хроники Великого княжения, впоследствии – царствования Ивана III (1440–1505) [14]. Именно с ним было связано преобразование княжеской формы правления в царскую. При этом, что особенно важно, на смену удельному княжению (первоначально Иван III именовался великим князем Московским и Владимирским) приходит всероссийское царствование (Иван – Божией милостью государь всеа Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и Прьмский, и Болъгарский и иных) [15, с. 119].

Получив единый государственный суверенитет, а вместе с ним и формальный государственно-правовой статус царства всея Руси, государственно-правовая система России начала активно перенимать иностранный опыт, уделяя первоочередное внимание привлечению на службу русскому царю зарубежных военных специалистов и заимствованию военных технологий. При этом, в отличие от *рецепции*, предполагавшей заимствование институтов и организационно-управленческих принципов, ранее доказавших свою функциональную эффективность в условиях культурно совместимых государственно-правовых систем, «вышедших» из Римской цивилизации, «молодая» Россия, с одной стороны, пыталась противопоставить европейской христианской традиции собственную русскую православленную концепцию государственного мироустройства («Москва – третий Рим»), с другой стороны, осознавала собственное культурное «отставание» практически во всех областях общественно-политической жизни, пытаясь «догнать и перегнать» европейский Запад за счет *экстраполяции* технических, административно-политических, культурных «брендов», «механически» копируемых с иностранных носителей и столь же «механически» внедряемых в практику российской политико-правовой и культурно-технологической жизни [16]. Массовое включение в деловой русский язык иностранных терминов, использование разговорного французского в качестве языка

«элитарного» общения, создание научных и образовательных учреждений по образцу и подобию западноевропейских аналогов – эти и другие примеры, характеризующие процесс становления и развития российской монархической (имперской) государственно-правовой системы, достаточно наглядно свидетельствуют о ее стремлении к европеизации. При этом в качестве основного средства выступала экстраполяция западных политико-правовых форм, наполняемых отличным от аутентичного национальным смысловым содержанием.

Формирование в России государственно-правовой системы нового исторического типа (РСФСР/СССР) основывалось на экстраполяции научных взглядов, сформировавшихся в рамках марксистской научной школы, объединившей «три источника» (В.И. Ленин): немецкую классическую философию, классическую английскую политическую экономику и французский утопический социализм. Отцы-основатели советской государственно-правовой системы, провозгласив марксизм «не догмой, а руководством к действию» (В.И. Ленин), использовали научное учение в качестве практического инструмента социально-политического преобразования, фактически уподобившись в своем стремлении к построению «земного коммунистического рая» иезуитам, воплотившим мечту Т. Кампанеллы о «Городе Солнца» в расположенном на территории современного Парагвая государстве², что интересно, просуществовавшем более 100 лет, то есть больше, чем равнодушная к пропагандистским сентенциям история отвела «союзу нерушимому республик свободных, сплоченных навеки Великой Русью».

Формирование Российской Федерации как государственно-правовой системы постсоветского типа было связано, с одной стороны, с экстраполяцией и конституционным закреплением ряда западных государственно-правовых институтов (система разделения властей с выделением в качестве самостоятельной ветви президентской власти; определение человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности; признание прав человека естественными (возникающими у индивида с рождения и не зависящими в своей реализации

² Иезуитский «Город Солнца» в Парагвае [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/ZVR1_ExpNl22wY_i (дата обращения: 29.07.2025).

от государства и непосредственно-действующими) и др.), а с другой – с провозглашением и опять-таки закреплением на конституционном уровне правопреемства с СССР (ст. 67.1 Конституции РФ). Последнее обстоятельство, по логике, предполагало бы использование рецепции советского права с последующим его внедрением в формирующуюся правовую систему современной России, однако политико-правовая практика наглядно свидетельствует об обратном.

Если понимать рецепцию в предлагаемом нами контексте, то следует рассматривать в качестве государства-«донора» не СССР, а Российскую империю. Причем культурное сходство между этой государственно-правовой системой и той, которая сложилась в современной России, носит в достаточной степени наглядный характер.

Сравнивая формы правления, сложившиеся в Российской империи и Российской Федерации, с точки зрения функций главы государства, нетрудно заметить, что исключительные полномочия («империи» – у императора, прерогативы – у президента) российского императора и российского президента во многом совпадают [17]. Существенным отличием является наследственный характер транзита императорской власти, означающий, что «императорской дееспособностью» может обладать только представитель царствующей династии. «Президентской дееспособностью» в современной России обладает *любой гражданин*, соответствующий формальным требованиям, определенным в ч. 2 ст. 81 Конституции РФ. Безусловно, данное обстоятельство свидетельствует о формальном гражданском равноправии в сфере организации народного представительства в высших эшелонах государственной власти. Однако принимая во внимание «молодость» и, как следствие, недостаточную степень «гражданской зрелости» российской демократии наряду с высокими коррупционными рисками, сопровождающими процессы формирования и функционирования государственных органов, нельзя исключать возможности занятия высшего положения в вертикали власти случайным либо, что еще более нежелательно, недобросовестным гражданином, руководствующимся в своей деятельности не общегосударственными, а узкоэгоистическими интересами.

Сравнительный анализ форм государственного устройства в рассматриваемых государственно-правовых системах так же позволяет говорить об их сущностном сходстве. И в Российской империи, и в Российской Федерации имели место совмещенные в едином и неделимом общероссийском пространстве государственной юрисдикции национальные (в Российской империи – «национальные края»: Великое княжество Финляндское, Царство Польское и др., в Российской Федерации – национальные республики, автономные округа, автономная область) и политико-территориальные образования (в Российской империи – губернии, области, в Российской Федерации – края, области, города федерального значения). Осуществленная в 1918 г. конституционная экстраполяция модели федеративного государственного устройства применительно к РСФСР носила сугубо формальный характер. В реальности Россия никогда не была «федерацией национальных республик», несмотря на то что именно такая ее характеристика закреплена в Конституциях РСФСР 1918 и 1925 гг. Если же проводить сравнительный анализ конституционных положений российских конституций 1978 и 1993 гг., то можно обнаружить, что в Советской России автономные области и автономные округа не обладали статусом субъектов (в ст. 71 Конституции РСФСР 1978 г. определялось, что автономные области входят в состав краев, а автономные округа – в состав краев и областей), что не помешало им впоследствии (в результате печально известного «парада суверенитетов») не только обрести самостоятельный статус субъектов Федерации, но и занять среди них приоритетное положение путем самопровозглашенного изменения статуса «автономная область» на «республика-государство» (за исключением Еврейской автономной области). Получается, что заимствованный из западного (США) конституционализма принцип федерализма в условиях «единой и неделимой России» на всех исторических этапах рассматривался исключительно в теоретическом плане, не имея практического значения для иерархической модели административно-территориального устройства страны, в рамках которой регионы безусловно подчинялись центральной (имперской, федеративной) вла-

сти, не обладая сколько-нибудь значительной степенью автономии.

Переходя к анализу использования методов рецепции и экстраполяции в процессах правотворческой и правоприменительной деятельности, вновь обратим внимание на сходство имперской и постсоветской государственно-правовых систем.

Применение метода рецепции можно продемонстрировать на примере рассмотренной юридической техники законотворческой деятельности.

И в Российской империи, и в Российской Федерации законы принимались и в настоящее время принимаются Государственной Думой и вступают в юридическую силу только после их подписания главой государства. Конечно, есть и отличия. В частности, в имперской государственно-правовой системе принятые Думой законы одобрялись Государственным советом, а в современной России – Советом Федерации. Однако это отличие носит в большей степени формальный, нежели концептуальный характер. Важнее другое: и российский император, и российский президент выступал и выступает не только в качестве «элемента» законотворческого механизма³, но и в качестве субъекта законотворческой деятельности, наделен исключительными полномочиями, связанными с изданием указов по предметам законодательного регулирования. В Основных государственных законах закреплялось положение: «Государь Император издает непосредственно указы и повеления как в отношении имуществ, личную Его собственность составляющих, так равно в отношении имуществ, именуемых Государевыми, кои, всегда принадлежат Царствующему Императору, не могут быть завещаемы, поступать в раздел и подлежать иным видам отчуждения» (ст. 9). В отношении Президента России его право на восполнение пробелов в законодательстве подтвердил Конституционный Суд РФ, определивший, что «по вопросам, касающимся си-

стемы федеральных органов исполнительной власти, не урегулированным законодателем, Президент Российской Федерации может издавать указы, которые не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам»⁴.

Метод экстраполяции был использован в ходе трансформации правоприменительной системы постсоветской России и связан с «возрождением» институтов мировых судей и судов с участием присяжных заседателей. Причем внедрение в федеральную судебную систему регионального института мировой юстиции носило сугубо прагматический характер и имело своей основной целью «разгрузить» городские (районные) суды, возложив на плечи мировых судей рассмотрение «малозначимых» дел. Что же касается судов присяжных, то и в Российской империи, и в Российской Федерации их организация была следствием временной либерализации государственно-правовой системы. Соответственно, по мере «умирания либеральной идеи» их практическое значение в качестве системы, «конкурирующей» с обвинительным профессиональным уголовным правосудием, неуклонно снижалось.

Выводы

1. Государственно-правовая система – это синтетическая теоретическая конструкция, созданная путем интегрирования институциональных понятий «государство», «право», «преступление». Применительно к государственно-правовой системе не имеет смысла дискутировать о первичности либо приоритетности государства и права. Столь же бессмысленно говорить о реальной возможности «окончательной победы» государства над преступностью, поскольку последняя является объективной составляющей права, в своей криминальной сущности и юридической форме определяемой государством.

2. В своем генезисе государственно-правовая система минует этапы формирования и трансформации, объединенные в традици-

³ «Государь Император утверждает законы и без Его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения» (ст. 9 Основных государственных законов Российской империи от 23.04.1906 [Электронный ресурс]. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/fundgoszak1906> (дата обращения: 29.07.2025)); «Президент Российской Федерации подписывает и обнародует федеральные законы» (Конституция РФ [Электронный ресурс] // Официальный портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 07.07.2025)).

⁴ По делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1999 № 2-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

онные и дискретные циклы. Традиционные циклы характеризуются неизменностью формальных критериев и ценностных приоритетов, сложившихся и сохраняющихся в трех и более последовательно сменяющихся поколениях граждан (подданных). Дискретные циклы связаны с «разрывом» сложившейся традиции и возникновением государственно-правовых систем переходного типа. В условиях государственно-правового «перехода» возрастает значение методов рецепции и экстраполяции, предполагающих заимствование у систем-«доноров», с последующим внедрением в системы-«реципиенты» иных по отношению к ним юридических форм и содержательных сущностей.

3. Рецепция государственно-правовых институтов предполагает коммуникацию культурно «совместимых» систем «доноров» и «реципиентов». Для государственно-правовых систем коллективного Запада такими системами являются Римская цивилизация, Западная Европа эпохи Возрождения и протестантско-буржуазной революции. В отечественном полито- и правогенезе целесообразно говорить о рецепции государственно-правовых институтов Российской империи в систему постсоветской России.

4. Экстраполяция, в отличие от рецепции, связана в большей степени с «переносом» в правовую систему государства, осуществляющего заимствование, юридических форм, наполняемых затем отличным от аутентичного смысловым содержанием. Задействование экстраполяции имеет целью декларирование стремления системы-«реципиента» к восприятию накопленного и апробированного «донором» опыта. При этом нередко на практике складывается ситуация, когда экстраполированные и аутентичные формы качественно отличаются.

5. Современная российская государственно-правовая система продолжает находиться в переходном «постсоветском» состоянии [4], осложняемом неопределенностью стратегических перспектив развития, что в первую очередь связано с «персоноцентристской» моделью государственно-правового устройства. В складывающейся ситуации целеполагания предметные сферы применения методов рецепции и интерполяции являются permanently изменяющимися, что негативно влияет на их эффективность как средств эволюционной трансформации государственно-правовой системы Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственно-правовые системы современности / С.В. Архипов, Н.Н. Кирилловская, В.А. Ковалев и др. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. – 298 с.
2. Ромашов Р.А. Государственно-правовые системы современности / Р.А. Ромашов // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 3 (61). – С. 34–46.
3. Ромашов Р.А. Традиционность и дискретность российского права и правосознания / Р.А. Ромашов // Исторические трансформации правосознания в пространстве различных традиций права (памяти профессора В.М. Курицына) : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 22–23 декабря 2022 г. / сост. А.И. Клименко. – Москва : Московский университет Министерства внутренних дел РФ им. В.Я. Кикотя, 2023. – С. 19–27.
4. Лясович Т.Г. Переходные государственно-правовые системы: на примере опыта Российской буржуазной республики (февраль – октябрь 1917) / Т.Г. Лясович // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 4. – С. 40–47.
5. Ромашов Р.А. Государственно-правовые системы переходного типа (на примере трансформации Российской империи в федеративную советскую социалистическую республику) / Р.А. Ромашов // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4 (78). – С. 64–81.

REFERENCES

1. Arkhipov S.V., Kirilovskaya N.N., Kovalev V.A. et al. State and Legal Systems of Our Time. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2023. 298 p.
2. Romashov R.A. State Legal Systems of Our Time. *Leningrad Legal Journal*, 2020, no. 3 (61), pp. 34–46. (In Russian).
3. Romashov R.A. Traditionality and Discreteness of Russian Law and Legal Consciousness. *Historical Transformations of Legal Consciousness in the Space of Various Legal Traditions (in memory of Professor V.M. Kuritsyn). Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 22–23, 2022*. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot Publ., 2023, pp. 19–27. (In Russian).
4. Lyasovich T.G. Transitional State Legal Systems: by the Example of the Experience of the Russian Bourgeois Republic (February – October 1917). *State Service and Personnel*, 2023, no. 4, pp. 40–47. (In Russian).
5. Romashov R.A. State-Legal Systems of a Transitional Type (on the Example of the Transformation of the Russian Empire into a Federal Soviet Socialist Republic). *Leningrad Legal Journal*, 2024, no. 4 (78), pp. 64–81. (In Russian).

6. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания / Р.А. Ромашов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1 (258). – С. 4–11.

7. Аксенов С.В. Экстраполяция принципа свободы договора на наследственные распоряжения / С.В. Аксенов // Научный аспект. – 2024. – Т. 7, № 8. – С. 903–912.

8. Галузо В.Н. О допустимости использования метода экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации / В.Н. Галузо // Право и жизнь. – 2015. – № 8 (206). – С. 155.

9. Кабанов Н.С. Диспозитивный и императивный методы правового регулирования: философско-правовой генезис и междисциплинарная экстраполяция / Н.С. Кабанов // Юридический мир. – 2024. – № 10. – С. 49–53.

10. Романова Н.В. К вопросу о рецепции права: общетеоретический аспект / Н.В. Романова // Образование и право. – 2025. – № 4. – С. 163–167.

11. Романова Н.В. Анализ рецепции отдельных принципов римского наследственного права в европейской правовой традиции / Н.В. Романова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2025. – № 3. – С. 123–127.

12. Ткаченко С.В. Содержание рецепции права / С.В. Ткаченко // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – № 6. – С. 42–62.

13. Мустафин И.Р. Рецепция права в развитии национального законодательства / И.Р. Мустафин // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 8 (123). – С. 78–80.

14. Чупова М.Д. Идеиные основы становления централизованного Русского государства в XIV–XV вв. / М.Д. Чупова // История государства и права. – 2023. – № 10. – С. 42–46.

15. Филюшкин А.И. Титулы русских государей / А.И. Филюшкин. – Москва : Альянс-Архео, 2006. – 256 с.

16. Петренко И.А. Метод экстраполяции, его применение, актуальность и перспективы развития / И.А. Петренко, Б.А. Чесуев, Д.Е. Якуничев, К.И. Труханов // Университетская наука. – 2023. – № 1 (15). – С. 194–200.

17. Ромашов Р.А. Современная государственно-правовая система имперского типа: понятие и особенности / Р.А. Ромашов, В.Ю. Панченко // Юридическая наука. – 2025. – № 1. – С. 30–33.

6. Romashov R. A. Realistic Positivism: An Integrative Type of Modern Legal Understanding. *News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2005, no. 1 (258), pp. 4–11. (In Russian).

7. Aksyonov S.V. Extrapolation of the Principle of Freedom of Contract to Inheritance Orders. *Scientific Aspect*, 2024, vol. 7, no. 8, pp. 903–912. (In Russian).

8. Galuzo V.N. On the Admissibility of Using the Extrapolation Method in the Implementation of Historical and Legal Research in the Russian Federation. *Law and Life*, 2015, no. 8 (206), pp. 155. (In Russian).

9. Kabanov N.S. Dispositive and Imperative Methods of Legal Regulation: Philosophical and Legal Genesis and Interdisciplinary Extrapolation. *Juridical World*, 2024, no. 10, pp. 49–53. (In Russian).

10. Romanova N.V. On the Issue of Law Reception: The General Theoretical Aspect. *Education and Law*, 2025, no. 4, pp. 163–167. (In Russian).

11. Romanova N.V. Analysis of the Reception of Certain Principles of Roman Inheritance Law in the European Legal Tradition. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*, 2025, no. 3, pp. 123–127. (In Russian).

12. Tkachenko S.V. Contents of the Reception of Law. *NB: Questions of Law and Politics*, 2013, no. 6, pp. 42–62. (In Russian).

13. Mustafin I.R. Reception of Law in the Development of National Legislation. *Eurasian Law Journal*, 2018, no. 8 (123), pp. 78–80. (In Russian).

14. Chupova M.D. Ideological Foundations of the Formation of the Centralized Russian State in the 14th–15th centuries. *History of State and Law*, 2023, no. 10, pp. 42–46. (In Russian).

15. Filyushkin A.I. Titles of Russian Sovereigns. Moscow, Alliance-Archeo Publ., 2006. 256 p.

16. Petrenko I.A., Chesuev B.A., Yakunichev D.E., Trukhanov K.I. The Extrapolation Method, its Application, Relevance and Prospects of Development. *University Science*, 2023, no. 1 (15), pp. 194–200. (In Russian).

17. Romashov R.A., Panchenko V.Yu. Modern State and Legal System of the Imperial Type: Concept and Features. *Legal Science*, 2025, no. 1, pp. 30–33. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ромашов Роман Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romashov Roman Anatolevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Chair of Theory of Law and Law Enforcement.

Статья поступила в редакцию 28.07.2025; одобрена после рецензирования 01.08.2025; принята к публикации 01.08.2025. The article was submitted 28.07.2025; approved after reviewing 01.08.2025; accepted for publication 01.08.2025.